

Движение ХАМАС и его сторонники

Григорий Косач

В начале октября 2000 г., после посещения лидером блока израильских правых партий ЛИКУД Ариэлем Шароном Храмовой горы в Иерусалиме, началась вторая палестинская интифада, получившая название «*интифада мечети Аль-Акса*». Палестинские регионы — сектор Газа и Западный берег реки Иордан — охватила волна насилия и анархии. Руководители движения ХАМАС* приветствовали «восстание масс» и благодарили израильского политика за его поступок («осквернение» одной из важнейших святынь ислама), вернувший мечети Аль-Акса «значение первой мусульманской кыблы**» и вновь привлекий к Иерусалиму «взоры миллионов

мусульман». В своих обращениях к «восставшим» они заявляли, что «наступает время освободителя Иерусалима Салаха ад-Дина Аль-Айюби», и сравнивали своих единомышленников с армией великого мусульманского полководца, воевавшего с крестоносцами. Лидеры ХАМАС предлагали аннулировать достигнутые к тому времени результаты палестино-израильского мирного процесса и вернуться к ситуации до начала интифады, до того момента, когда руководство Палестинской национальной администрации (ПНА), представленное движением ФАТХ*** — несущей конструкцией Организации освобождения Палестины (ООП), «предало» интересы собственного

* Полное арабское название организации — Харака аль-мукавама аль-ислямийя (Движение исламского сопротивления). — *Прим. авт.*

** Сторона, в которую обращено лицо молящегося мусульманина. В сложившейся традиции это — Мекка, где расположен храм Кааба. В эпоху формирования мусульманской общины во главе с Пророком Мухаммедом этой стороной был Иерусалим, к которому прилагается эпитет «первой из двух кыбл и второй из двух святынь». По мусульманской традиции Пророк перед своим вознесением к престолу Всевышнего молился на месте Аль-Аксы — мечети удаленной, а вознесший его к этому престолу конь Аль-Бурак был привязан к Стене Аль-Бурака — Западной стене (Стене плача) храма Соломона в иудейской традиции. — *Прим. авт.*

*** Перевернутая аббревиатура арабского названия этой организации — Харака ат-тахрир аль-фалаястыний (Движение палестинского освобождения). — *Прим. авт.*

народа, начав процесс нормализации отношений с Израилем. Возвращение к этой ситуации требовало «эскалации вооруженных действий» и использования «партизанских методов сопротивления» [ХАМАС ва Аль-Джихад аль-ислямий ан аль-интифада аль-джадида 2000].

В интифаде мечети Аль-Акса руководители ХАМАС видели едва ли не единственную возможность занять ведущие позиции в процессе формирования национальной государственности, оттеснив от руководства ПНА ФАТХ и его главу, первого палестинского президента Ясира Арафата, которых они объявили «узурпаторами» и «предателями» национальных интересов. В своем противостоянии палестинской администрации ХАМАС использовал инструмент, понятный и приемлемый для социума, в котором он действовал, — антиизраильский джихад. Защищая «оскверненную» святыню и пробуждая воспоминания о том, что первоначально Пророк и созданная им умма обращали свою молитву в сторону Иерусалима, ХАМАС придавал интифаде и своим действиям ореол Божественного повеления, попранного теми, кто пошел на «сговор» с еврейским государством.

* * *

Открытое противостояние ХАМАС и ФАТХ началось еще в период первой интифады (1987–1991 гг.). На авансцену политической жизни движение вышло, как тогда казалось, с принципиально иным, чем у ФАТХ, видением будущего Палестины. В августе 1988 г. была принята *Исламская хартия* как альтернатива *Палестинской национальной хартии*, основному документу ООП периода 1960–1980-х годов.

В Исламской хартии Палестина в ее «исторических» границах — от реки Иордан до Средиземного моря — провозглашалась

вакфом, то есть неотчуждаемой исламской собственностью, «врученной будущим поколениям мусульман вплоть до Судного дня». Это означало, что какие-либо компромиссы в отношении ее территории недопустимы и незаконны. Любая форма политического решения палестино-израильского конфликта исключалась как «противоречащая духу ислама». Инструментом разрешения конфликта мог стать только джихад палестинцев, поддерживаемых арабским региональным сообществом и мусульманским миром [Мисак Харака аль-мукавама аль-ислямийя — ХАМАС 2004].

Исламская хартия была обращена к так называемым *муватынун* — «автохтонам», жителям сектора Газа и Западного берега, которые противопоставлялись *шатат* — палестинцам, оказавшимся в диаспоре *ляджиун*, то есть *изгнанникам*. Израильская оккупация, способствовавшая изменению хозяйственных ориентаций и социальной структуры «автохтонов», не меняла главного — их внутренней консолидации в противостоянии враждебной внешней силе. В списке приоритетов и предпочтений муватынун ислам занимал не последнюю строку, что подтверждалось исследованиями палестинских социологов, отмечавших «центральную роль религии в определении ценностных установок палестинского общества» [Кассис 1997: 132].

Провозглашая основной сферой политической деятельности Палестину, страну *Аль-Масджид Аль-Акса* — *Удаленной* (от Мекки с ее основным мусульманским храмом) *мечети*, заявляя, что он борется за освобождение «каждой пяди ее земли», ХАМАС подчеркивал свой статус палестинской структуры, действующей в пределах национальной территории. Он был *автохтонной* организацией, созданной муватынун, в отличие от находившейся

в изгнании ООП*, которая в годы первой интифады представляла собой *кяйда аль-харидж — внешнее руководство*. ХАМАС «присвоил» себе имя погибшего в середине 1930-х годов в борьбе против ишува** «героя» и религиозного деятеля Изз Ад-Дина Аль-Кассама, а также обзавелся живыми героями-«автохтонами», символизировавшими «беззаветную борьбу» во имя ислама и Палестины. Одним из них был его духовный глава — шейх Ахмед Ясин.

Становление ХАМАС как влиятельного игрока палестинской политики совпало по времени с началом изменения курса ООП и ее ведущей структуры — ФАТХ. В *Декларации независимости Государства Палестина*, принятой по инициативе ФАТХ на состоявшейся в Алжире XIX (чрезвычайной) сессии Палестинского Национального Совета (ноябрь 1988 г.), тема «национального дела» получила несколько иную трактовку. «Воплощением палестинской революции» теперь признавалась «великая, расширяющаяся всенародная интифада». Впервые в своей истории ООП провозглашала муваатынун, а не диаспору, не только ведущим элементом структурирования национального социума, но и основным объектом своей деятельности: именно «героизм участников интифады» позволял руководству ООП провозгласить «создание Государства Палестина на палестинской

земле». Ради этого ООП признала принятую в 1947 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюцию № 181 о разделе Палестины на «арабское и еврейское государства» (хотя и не внесла соответствующих изменений в текст своей Хартии). Иными словами, палестинское руководство заявляло, что национальное государство оформит свои институты только в пределах части территории «исторической Палестины» и станет соседом Израиля [Иъалян истикляль Дауля Фалястын 1999: 13–14]. Акцент на «величии» интифады означал, что территория этого государства включит в себя лишь сектор Газа и Западный берег.

В 1991 г. в Осло представители палестинской и израильской сторон вступили в диалог о взаимном признании. 13 сентября 1993 г. Израиль и ООП подписали *Декларацию о принципах создания переходного самоуправления*, провозгласившую их совместное желание «положить конец десятилетиям конфронтации и борьбы и достичь взаимного признания законных политических прав». В палестино-израильских отношениях наступил период «исторического примирения», путь к которому пролегал через создание «палестинского переходного самоуправления» на Западном берегу и в секторе Газа [Иъалян мабади хауль тартибат хукума затий интикалийя 1999: 25–26]. В мае 1994 г. лидер Исполкома

* Организация освобождения Палестины, созданная в 1964 г. на первой сессии Палестинского Национального Совета (парламента в изгнании) в Восточном Иерусалиме, включила в свой состав ФАТХ и апеллировавшие к марксизму Народный и Демократический фронты освобождения Палестины. Членами этой коалиции стали также баасистские просирийская САИКА и проиракский (времени правления С. Хусейна) Фронт арабского освобождения. В период первой интифады в ООП вошли Партия палестинского народа (бывшая Палестинская коммунистическая партия) и Палестинский демократический союз (ФИДА). — *Прим. авт.*

** Еврейское население подмандатной Палестины, а также совокупность созданных им к 1948 г. политических и общественных институтов самоуправления. — *Прим. авт.*

ООП (и одновременно руководитель ФАТХ) Я. Арафат прибыл в Газу.

Вступление ООП в процесс нормализации отношений с Израилем меняло положение ХАМАС — он уже не мог претендовать на ведущую роль в национальном сообществе. К тому времени ООП была признана арабским миром и международным сообществом в качестве «единственного законного представителя арабского народа Палестины». Ее курс получил поддержку большинства населения сектора Газа и Западного берега, стремившегося избавиться от последствий первой интифады. По данным Иерусалимского центра информации и коммуникаций, в июне 1995 г. Арафату доверяли 39,4% опрошенных на Западном берегу и в секторе Газа, а шейху Ясину — чуть менее 11%. ФАТХ лидировал и в среде муватынун (46,6%), где ХАМАС симпатизировали только 18,2% респондентов [Натаидж аль-иститля ас-сабиа 1995: 11].

Опросы, проводившиеся Центром палестинских исследований в Наблусе в 1995–1997 гг.*, показали негативную оценку эпохи первой интифады. Речь шла не только и не столько об израильских репрессиях в отношении опрошенных (36% заявили, что подвергались избиениям, оскорблениям, торемному заключению или домашнему аресту), но и о более принципиальных последствиях интифады. 71% респондентов отметили, что итогом противостояния стало «отдаление от религии» и, как следствие, обострение внутренних проблем общества (безработица, молодежная наркомания, преступность).

Сообщество муватынун стремилось к тому, чтобы в нем вновь стал «слышен голос Бога» (об этом заявили 80% опрошенных), а значит, чтобы создавались новые рабочие места (69%), обеспечивались безопасность и порядок (66%) [Хамами 1997: 38–41]. Вернувшееся на родину руководство ООП твердило о мире как предпосылке созидания национальной государственности. Однако многие жители сектора Газа и Западного берега почувствовали себя преданными. Получалось, что интифада была нужна не ее участникам, а элите, которая теперь, уже не стесняясь, опиралась на политическую поддержку Израиля и экономическую поддержку Запада.

Национальная власть не оправдывала возлагавшихся на нее надежд, в том числе и из-за противодействия израильтян. Сельские жители палестинских регионов продолжали испытывать давление со стороны военных и официальных структур Израиля, оправдывавших соображениями безопасности курс на сохранение еврейских поселений. Блокирование территории этих регионов израильской армией было серьезной помехой для палестинских рабочих. Создание ПНА не принесло ощутимых изменений обитателям лагерей беженцев на Западном берегу и в секторе Газа, выживавшим благодаря помощи международных организаций и благотворительности израильских левых. Мирный процесс явно затягивался. С началом строительства национальной государственности положение молодежи в целом и особенно ее образованной части практически не изменилось.

* Общее число респондентов, участвовавших в опросах Центра палестинских исследований в Наблусе, как и Иерусалимского центра информации и коммуникаций, как правило, составляло 1 500–2 000 человек. Они представляли оба палестинских региона и все социальные группы палестинского общества. — *Прим. авт.*

Она по-прежнему была обречена на работу на израильских предприятиях или на эмиграцию. Именно в этой среде находили поддержку противники нормализации палестино-израильских отношений.

Палестинские политические институты формировались за счет выходцев из внешней (эмигрантской) среды и тех, кто демонстрировал лояльность «национальной власти». Серьезный отпечаток на них наложила клановая структура общества. Руководство ПНА установило тесные связи с влиятельными семьями земельной знати и предпринимателями, занимавшимися преимущественно торговлей (последние часто принадлежали к христианскому меньшинству). Политическая система, представленная «неонотаблями» [Legrain 1998: 153], сужала возможности социальной мобильности, казавшиеся неограниченными в эпоху первой интифады. Эта система (ее олицетворял, прежде всего, сам Арафат) строилась на коррупции и непотизме, на беззастенчивом расхищении финансовой помощи Запада. Все это служило благоприятной почвой для сохранения влияния ХАМАС.

Чтобы добиться лидирующих позиций в сообществе муватунин, лидеры ХАМАС сделали ставку на «воскрешение» уже отброшенных ООП, прежде всего ФАТХ, положений ее собственной идеологии, относившихся к периоду, предшествовавшему принятию Декларации независимости Государства Палестина. Окрашивая эти положения в религиозные тона, руководители ХАМАС пытались доказать их актуальность и едва ли не экзистенциальный характер. При этом они обвиняли своего соперника в том, что на пути к гегемонии в ПНА он отошел от выдвигавшихся им ранее и понятных обществу задач борьбы.

«Историческая Палестина», тот самый мусульманский вакф в границах «от реки

до моря», представлялась аналогом такого же, по сути, мифического пространства, определявшегося в Палестинской национальной хартии как «нерасчленимое территориальное единство в границах времени британского мандата» [Аль-Мисак аль-ватаний аль-фалястыний 1999: 11–12]. «Мусульманская Палестина» приобретала «сверхъестественное и мистическое измерение», где всегда происходило «столкновение цивилизаций». Речь уже шла не о развивающемся на ее территории «политическом конфликте», а о конфликте между мусульманами и «мировым злом». «Существование Израиля» признавалось воплощением проникновения этого «зла» в мир ислама [Sheikh Jarrar 1994: 161–162].

В рамках дискурса ХАМАС требование ООП превратить Восточный Иерусалим в столицу Палестины становилось «тестом», доказывавшим «идейное превосходство» ислама над иными религиозными доктринами. Задачу «освобождения Палестины», поставленную Палестинской национальной хартией, ХАМАС рассматривал как средство достижения более высокой цели — возрождения мира ислама. О переходе ХАМАС под полный контроль руководства ПНА можно было говорить только в том случае, если оно увидит в исламе «путь, определяющий жизнь» [Mishal, Sela 1997: 15].

Дискурс ХАМАС давал своим приверженцам неопровержимую, далекую от каких-либо рациональных объяснений мифологию, которая оказывалась действенной, когда требовалось доказать «предательский оппортунизм» палестинского руководства и поддерживающих его политических групп. В сферу ее влияния вовлекались «люди улицы», формально поддерживавшие ФАТХ и Арафата. Кроме того, этот дискурс воскрешал, но уже через обращение к Богу, культивировавшуюся ранее ООП идеологию

Таблица 1. Распределение сторонников ХАМАС и ФАТХ по социальным группам, в %*

Социальная группа	Сторонники ХАМАС	Сторонники ФАТХ
Студенты и учащиеся школ	34,1	38,8
Крестьяне	33,3	36,1
Домохозяйки	34,0	48,8
Рабочие	28,5	48,4
Госслужащие	23,2	50,5
Торговцы	16,9	44,4
Ремесленники	26,4	51,0
Представители технических профессий	14,9	36,3
Безработные	21,7	55,2
Пенсионеры	–	31,8
Беженцы	27,7	42,2

* Составлена по данным опросов Центра палестинских исследований в Наблусе середины – конца 1990-х годов [Аш-Шаккаки 1997: 140–151].

возмездия и возвращения. Идеологи ХАМАС утверждали, что палестинская власть «подчинена израильской политике и вводит в заблуждение палестинский народ» [Шейх Хамама 1995: 107], что она «псевдонациональная и просионистская», что создаваемая ею политическая система «преступна», поскольку игнорирует принципы ислама, в котором арабские и мусульманские общества видят «путь к подлинному спасению и возрождению» [Калима аш-шейх Джамаль Салем 1995: 109–110]. Таким образом, муваатынун обретали реального врага в лице тесно связанных с Израилем «ренегатов», представленных руководством ПНА.

* * *

Кто же являлся сторонником ХАМАС в период между двумя интифадами?

Попытаемся создать портрет сторонника движения тех лет и сопоставить его с портретом приверженца ФАТХ по следующим базовым позициям: пол, возраст, социаль-

ное положение, уровень доходов, уровень образования, информированность о ситуации в регионе и мире, география расселения, отношение к религии и политические предпочтения.

По данным Центра палестинских исследований в Наблусе, в конце 1990-х годов ХАМАС поддерживали не менее 24,6% респондентов-мужчин (ФАТХ — 47,8%) и не менее 31,6% женщин (ФАТХ — 39,2%).

Присутствие ХАМАС было заметно во всех возрастных группах сообщества муваатынун: от 31,4% в группе 18–22 лет до 27% в группе свыше 50 лет. Для ФАТХ эти показатели составляли, соответственно, 44% и 30% [Аш-Шаккаки 1997: 145–154].

Данные о поддержке ХАМАС и ФАТХ представителями разных социальных групп представлены в *таблице 1*.

Между уровнем доходов опрошенных и их политической ориентацией жесткой связи не прослеживалось. В группе респондентов, чей ежемесячный доход не превышал

300 иорданских динаров*, ХАМАС симпатизировали 29,8%, ФАТХ — 45,4%. По мере увеличения доходов с 300 до 600 динаров доля симпатизирующих обеим организациям снижалась, составляя 25,8% для ХАМАС и 41,9% — для ФАТХ. В группе тех, кто имел доходы от 600 до 900 динаров, ХАМАС поддерживали 33,4% (против 32,8% у ФАТХ). Но при этом наименьшее число сторонников ХАМАС (16,5%) было отмечено в группе респондентов, чьи доходы превышали 900 динаров (доля симпатизирующих ФАТХ в этой группе — 38,9%).

По данным Центра палестинских исследований в Наблусе, в конце 1990-х годов среди сторонников ХАМАС неграмотных было несколько больше (43%), чем среди приверженцев ФАТХ (39,2%). В то же время ХАМАС поддерживали 26,1% выпускников средних школ (ФАТХ — 42,9%) и 29,3% лиц с университетским образованием (ФАТХ — 41,3%). Таким образом, с повышением уровня образования росла и поддержка ХАМАС, хотя не столько за счет снижения поддержки ФАТХ, сколько за счет вымывания доли неопределившихся и индифферентных, что неудивительно, учитывая высокую политизированность ученической среды. При этом сторонников ХАМАС было больше среди выпускников школ, финансируемых Ближневосточным агентством ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East, UNRWA) (31,9%), чем среди выпускников государственных (26,3%) или частных (14,3%) школ. Показатели же поддержки ФАТХ в этой среде составляли, соответственно, 41,2%, 45,1% и 39,6% [Аш-Шаккаки 1997: 139–157].

Информированность о событиях на Ближнем Востоке и в мире также определенным образом коррелировала с политическими пристрастиями палестинцев. Так, среди сторонников ХАМАС 38,5% никогда не слушали радио, 29,4% слушали радио «один–два раза в неделю», а 24,6% — «больше трех раз в неделю». Для ФАТХ эти показатели составили, соответственно, 29,6%, 39,4% и 51,3%. 34,7% приверженцев ХАМАС никогда не читали газеты (ФАТХ — 37,1%), 27% читали газеты «два–три раза в неделю» (ФАТХ — 47,4%), а 23,5% — «от четырех до семи раз в неделю» (ФАТХ — 43%).

Сравним географию распространения влияния ХАМАС и ФАТХ.

Сторонники ХАМАС присутствовали как среди жителей городов (24,5%), поселков городского типа (20,5%), так и сел (31,3%) и лагерей беженцев (32,8%). Для ФАТХ эти данные составляли, соответственно, 40%, 50,1%, 47% и 40% [Аш-Шаккаки 1997: 151–155]. Сторонник ХАМАС — житель, прежде всего, сектора Газа и в меньшей степени Западного берега. При этом по мере движения к югу сектора рейтинг ХАМАС снижался, а влияние ФАТХ росло. Относительное снижение влияния ХАМАС (как, впрочем, и ФАТХ) в Вифлееме, Рамалле и Восточном Иерусалиме (см. табл. 2) обуславливалось тем, что здесь конкурентами этих политических организаций выступали левые — Партия палестинского народа и Палестинский демократический союз (ФИДА), ранее одна из фракций Демократического фронта освобождения Палестины.

География зон влияния ХАМАС в границах обоих палестинских регионов не связа-

* Иорданский динар (равен 1,1 евро) и израильский шекель имеют равное хождение на контролируемой ПНА территории. — *Прим. авт.*

Таблица 2. Распределение сторонников ХАМАС и ФАТХ по палестинским регионам, в %*

Регион	Сторонники ХАМАС	Сторонники ФАТХ
<i>Сектор Газа</i>	30,7	42,3
Город Газа	37,5	36
Северная часть сектора (города Хан-Юнис, Рафах)	35,9	49,2
Центральная часть сектора	29,3	41,8
Южная часть сектора	13,9	50,5
<i>Западный берег реки Иордан</i>	26,8	43,9
Тулькарарам	37,7	40,2
Дженин	30,8	51,2
Хеврон	29,0	42,5
Вифлеем	25,5	30
Наблус	24,8	54
Рамалла	21,8	40,8
Восточный Иерусалим	18,1	40,0
Иерихон	16,2	59,9

* Составлена по данным опросов Центра палестинских исследований в Наблусе середины – конца 1990-х годов [Аш-Шаккаки 1997: 151–155].

на с наличием в той или иной из этих зон еврейских поселений. Значительная доля приверженцев ФАТХ в Газе и на севере сектора (где ранее располагался важный анклав этих поселений), как, впрочем, и преимущественное влияние ФАТХ в Наблусе и Хевроне (с еврейским кварталом, расположенным рядом с «могилами Праотцев»), а также в целом незначительное присутствие ХАМАС в Восточном Иерусалиме только подтверждали это.

ХАМАС не может рассматриваться как движение, поддерживаемое исключительно жителями лагерей беженцев, сел или поселков городского типа. Их население симпатизирует и ФАТХ. Но, во всяком случае, в сельских и полукучевых районах центра и юга сектора Газа, где отсутствуют город-

ские поселения, симпатии к ХАМАС существенно снижались.

Степень влияния ХАМАС недостаточно коррелировала и с экономическим состоянием того или иного района. Можно было бы предположить, что высокий уровень симпатий к ХАМАС в Тулькарараме и Дженине обусловлен их статусом зон хозяйственной депрессивности, однако там значительной поддержкой пользуется и ФАТХ. В то же время рейтинг ХАМАС существенен (хотя и ниже, чем у ФАТХ) в тех районах Западного берега, которые не могут рассматриваться как зоны экономического упадка или стагнации. Это — Хеврон, Вифлеем и Наблус с их развитыми ремесленным и промышленным производством, а также индустрией туризма. Сторонники ХАМАС присутство-

Таблица 3. Отношение к религии и нормам шариата, в %*

Позиция	Сторонники ХАМАС	Сторонники ФАТХ
Молятся постоянно	83	56
Всегда соблюдают пост	97	90
Считают себя верующими	59	38
Выступают за обязательное введение хиджаба	72	46
Поддерживают наказание за воровство в виде отрубания руки	87	78
Считают, что их интересам в наибольшей степени отвечает государство, основанное на идее «исламского халифата»	67	37
Поддерживают лозунг «ислам — это решение»	86	60

* Составлена по данным опросов Центра палестинских исследований в Наблусе середины – конца 1990-х годов [Аш-Шаккаки 1997: 137–157].

вали и в городе Рамалле, где сосредоточены основные государственные институты ПНА, переживавшем в конце 1990-х годов период бурного развития. В то же время в Восточном Иерусалиме, городе мечети Аль-Акса, где почти исчезли местные ремесла и наблюдалась низкая коммерческая активность, уровень симпатий к ХАМАС был ощутимо низок.

А теперь сравним сторонников ХАМАС и ФАТХ по такому важнейшему показателю, как степень религиозности, которая в от-

ношении мусульман обычно определяется тем, насколько строго они соблюдают традицию обязательных ежедневных молитв и поста в месяц рамадан (см. табл. 3).

Как видим, политические предпочтения людей по большинству позиций, представленных в *таблицах 3 и 4*, довольно явно коррелировали с их религиозными воззрениями (хотя эти корреляции могут показаться не столь значительными, чтобы объяснять политическую поляризацию двух движений). В то же время отсутствие жесткой связи

Таблица 4. Отношение к женскому вопросу, в %*

Позиция	Сторонники ХАМАС	Сторонники ФАТХ
Полностью согласны с традицией «пребывания женщины в доме»	48	33
Поддерживают право женщины на развод	60	64
Выступают за равноправие женщин и мужчин	96	95
Одобряют присутствие женщин в парламенте	60	79
Выступают за «пересмотр мусульманского законодательства, касающегося женщин»	54	66

* Составлена по данным опросов Центра палестинских исследований в Наблусе середины – конца 1990-х годов [Аш-Шаккаки 1997: 137–157].

между декларируемыми респондентами убеждениями и их жизненными ориентирами подтверждало слабую дифференцированность и внутреннюю гомогенность сообщества муватаунун. Важно и другое: в рамках палестинского общества активизировались группы, ранее не принимавшие участия в политике. ХАМАС, используя религиозную риторику, предоставлял им возможность включиться в процесс формирования национального политического пространства.

Итак, сторонник ХАМАС — это выходец из политически непрестижного региона, не связанный с господствующими на палестинской арене клановыми семьями, стремящийся наиболее радикальным способом изменить статус и своего региона и свой собственный.

Человек, симпатизирующий ХАМАС, — приверженец демократических ценностей. По данным Центра палестинских исследований в Наблусе, 81% поддерживающих ХАМАС одобряли политический плюрализм (в случае ФАТХ — 70%). В равной мере это относилось и к идее «свободных и честных выборов»: ее разделяли 95% приверженцев ХАМАС — против 92% у ФАТХ. Подавляющая часть (от 80% до 93%) поддерживающих ХАМАС сторонников палестинской демократии была сосредоточена в городе Газа и на севере сектора, а также в городах Тулькарим, Дженин, Хеврон и Вифлеем. Приверженцев тех же демократических ценностей, но только симпатизирующих ФАТХ, в этих районах насчитывалось 60–69% [Хиллаль 1997: 76–84].

20 января 1996 г. на территории Палестинской автономии были проведены первые выборы президента (главы автономии) и парламента (Законодательного совета). ХАМАС бойкотировал парламентские выборы и отказался выдвигать своего кандидата на пост главы ПНА.

За четыре дня до голосования Иерусалимский центр информации и коммуникаций провел опрос общественного мнения, результаты которого подтвердили предположение об отсутствии жесткой связи между программными установками ХАМАС и позицией его сторонников. Так, отвечая на вопрос «Кому из палестинских лидеров вы доверяете?», 12,3% сторонников ХАМАС выразили поддержку шейху Ясину, а 13,5% — Арафату. Существенно и то, что 62,8% сторонников ХАМАС, участвовавших в опросе, заявили, что могут проголосовать за кандидатов, не являющихся представителями этого движения. 43,9% опрошенных из этой же группы посчитали «ошибочным» решение руководства движения бойкотировать выборы (поддержали это решение 39,9%), а 62,8% из тех, кто считал решение о бойкоте ошибочным, заявили, что примут участие в выборах главы ПНА (при этом 62,4% противников бойкота собирались поддержать Арафата) [Натаидж аль-иститля ас-сани ашар 1996: 7–9].

В начале февраля 1996 г., менее чем через месяц после подведения итогов выборов, немногим более 22% сторонников ХАМАС были оптимистично настроены в отношении деятельности национального парламента. 31,9% выразили «осторожный оптимизм» в связи с началом работы Законодательного совета; 15,3% утверждали, что депутаты «выражают их мнение», а 31,3% — что депутаты «в определенной мере выражают их мнение». 26,4% всех участвовавших в опросе сторонников ХАМАС отметили, что палестинский парламента «выражает интересы палестинского народа на Западном берегу и в секторе Газа» [Натаидж аль-иститля ас-салис ашар 1996: 2–6].

В конце 1990-х годов сторонники ХАМАС более пессимистично, чем их оппоненты из числа приверженцев ФАТХ, оценивали воз-

Таблица 5. Отношение к политическому урегулированию палестино-израильского конфликта, в %

Позиция	Сторонники ХАМАС	Сторонники ФАТХ
Считают палестино-израильское сосуществование возможным	13,0	32,0
Поддерживают палестино-израильские переговоры	50,0	91,0
Поддерживают вооруженные акции против израильских гражданских лиц	32,0	12,0
Поддерживают вооруженные акции против израильских военных объектов	79,0	63,0

возможности политического урегулирования палестино-израильского конфликта (см. табл. 5) [Аль-Баргути 1997: 55–72].

Аналогичные подходы к палестино-израильскому урегулированию были зафиксированы Иерусалимским центром информации и коммуникаций в феврале 1996 г. В ходе опроса выяснялось отношение палестинцев к требованию израильской стороны внести изменения в текст Палестинской национальной хартии как к одному из условий урегулирования двусторонних отношений (речь, в частности, шла о тех статьях Хартии, в которых говорилось о «незыблемости» границ Палестины, проведенных в эпоху мандатного управления Великобритании, о вооруженной борьбе во имя «освобождения» Палестины и т.п.*). В группе сторонников ХАМАС согласились с этим требованием 4,9%, не согласились — 45,8%, в группе приверженцев ФАТХ согласились 7,7%, не согласились — 22,4%. Число сторонников внесения изменений в этот документ при условии «создания независимого палестинского государства» составило, со-

ответственно, 34,7% и 58,3% [Натаидж аль-иститляя ас-салис ашар 1996: 12].

Приведенные данные во многом относительны, а порой и отрывочны. Тем не менее созданный на их основе портрет сторонника ХАМАС опровергает представление о нем как исключительно о выходе из низших слоев, отдавшем себя служению бесплодному идеалу, абсолютному ретрограде или безответственному юноше. По одним параметрам портрет приверженца этого движения заметно отличается от образа активиста ФАТХ, по другим — сближается с ним. Эти же данные свидетельствуют, что взгляды сторонников ХАМАС, в частности, отношение к палестино-израильскому урегулированию, далеко не в полной мере соответствовали положениям Исламской хартии. Жизненные реалии нередко оказывались для них более весомыми, чем идеи джихада или превращения Палестины в мусульманский вакф.

Почему же тогда палестино-израильский мирный процесс подвергся столь мощному удару со стороны участников интифады мечети Аль-Акса?

* Ни принятие Декларации независимости Государства Палестина, ни выработанные в Осло палестино-израильские документы, послужившие основой для нормализации отношений между Израилем и ООП, не подтолкнули эту организацию к внесению изменений в основополагающий для нее документ. — *Прим. авт.*

* * *

Еще до создания ПНА связи ХАМАС с различными социальными стратами и возрастными группами палестинского общества отличались нестабильностью. Сторонники движения превращались в «еретиков», стремившихся выйти из-под опеки своих лидеров. Процесс становления ПНА (включая действия Арафата, направленные на сокращение сферы влияния своего основного конкурента) усилил размежевание в среде сторонников ХАМАС. Подготовленный в мае 1994 г. Конституционный документ ПНА гарантировал «свободу формирования политических партий», но только при условии, что они будут исходить из «мирных методов» деятельности [Ан-Низам ад-дустурий 1995: 154–155]. Введенный «национальной властью» финансовый контроль в отношении оппозиции существенно сократил поступление предназначавшейся ХАМАС внешней помощи. После создания ПНА международное сообщество все более негативно оценивало деятельность ХАМАС [Mishal, Sela 1997: 36].

Военизированное крыло ХАМАС уступало по своей мощи подчиненной Арафату палестинской полиции. Организационная структура движения, казавшаяся разветвленной и гибкой, во время первой интифады подверглась серьезным ударам со стороны израильских оккупационных властей, а затем оказалась под административным контролем властей ПНА. Попытки ХАМАС создать свои представительства за пределами ПНА (в частности, в Дамаске) не привели к ощутимым результатам. Сирийские власти легко превращали эти представительства в инструменты своей политики [Legrain 1998: 170–171].

По данным Центра палестинских исследований в Наблусе, уровень поддержки ФАТХ на территории обоих палестинских

регионов повысился с 41% в 1993–1994 гг. до 45% в 1996 г. За тот же период число симпатизирующих ХАМАС палестинцев сократилось с 15% до 8%. В секторе Газа (где зарождался ХАМАС) рейтинг ФАТХ вырос с 45% до 51%, а рейтинг ХАМАС, напротив, упал с 17% до 7%. На Западном берегу наблюдалась аналогичная картина: показатели для ФАТХ составили, соответственно, 40% и 42%, для ХАМАС — 13% и 8%. Рост симпатий к ФАТХ, равно как и падение популярности ХАМАС, были заметны как в городах, так и в селах и лагерях беженцев. Если среди горожан влияние ФАТХ выросло с 41% до 44% (для ХАМАС речь шла о падении с 12% до 8%), то в сельской местности — с 39% до 50% (доля симпатизирующих ХАМАС сократилась с 16% до 8%), а в лагерях беженцев — с 45% до 46% (для ХАМАС падение составило 9%) [Аш-Шаккаки 1997: 162]. Эти данные подтверждались и опросами Иерусалимского центра информации и коммуникаций: в течение 10 месяцев 1996 г. поддержка ХАМАС снизилась с 12,3% (январь) до 9,3% (октябрь) [Натаидж аль-иститля ас-сабиа ашар 1996: 14].

Ради сохранения своего влияния руководству ХАМАС приходилось менять тактику, учитывая настроения и положение жителей сектора Газа и Западного берега, во многом зависевших от израильского рынка рабочей силы и действий оккупационной администрации (тысячи палестинцев были заняты на предприятиях израильской промышленности, в строительстве, индустрии туризма). Если в начале первой интифады ХАМАС призывал к взрывам, столкновениям с израильскими военными, нападениям на жителей еврейских поселений, расправам с палестинцами-«коллораборационистами», разрыву экономических связей с Израилем, созданию местных органов самоуправления, способных заменить сотрудничавшие с

оккупантами институты власти [Mishal, Sela 1997: 18–20], то уже в начале 1990-х годов неэффективность этих лозунгов стала очевидной. Теперь отказ от работы в Израиле объявлялся обязательным только в дни общенациональных стачек. Более того, для палестинцев, занятых в некоторых отраслях израильской промышленности (переработка сельскохозяйственной продукции, производимой на Западном берегу и в секторе Газа), труд на предприятиях еврейского государства признавался «национальным долгом». Идея джихада как «всеобщего жертвенного восстания» в документах ХАМАС конца первой интифады все больше заменялась призывом к «терпению», означавшим признание невозможности изменить ситуацию сегодня. Использование джихада как политического инструмента ставилось в зависимость от конкретных обстоятельств.

Триумфальное избрание Арафата на пост главы ПНА в январе 1996 г. (87% голосов всех участников выборов) показало, что ХАМАС переживает не лучшие времена. Размежевание в рядах этой организации становилось все более ощутимым. Несмотря на решение руководства движения о бойкоте парламентских выборов, 5 из 88 депутатов Законодательного совета, представлявших сектор Газа и Наблус, называли себя «независимыми сторонниками ХАМАС» [The Palestinian Council 1998: 224]. Это были выходцы из семей, не игравших ведущей роли в своих регионах. Прямые контакты с администрацией изменили не только их положение, но и клановое соотношение сил в регионах. ХАМАС получил представительство не только в Законодательном совете, но и в утвержденном парламентом совете министров ПНА [Маджлис вузара Ас-Султа аль-ватанийя аль-фалястынийя 1999: 92].

Встраивание сторонников ХАМАС в формировавшуюся систему клиентельных отношений объективно способствовало усилению позиций «национальной власти». ХАМАС вынуждали стать системной оппозицией. Появившаяся на политической сцене весной 1996 г. Партия национального исламского спасения Палестины была основана членами ХАМАС, которые отвергали «несправедливые соглашения, заключенные с израильским противником», но при этом не отказывались от участия в работе палестинского правительства, считая «необходимым внести свой вклад в созидание страны» [Legrain 1998: 174].

Интеграция ХАМАС в политическую систему ПНА могла способствовать либо углублению уже возникших в этом движении линий внутреннего разлома, либо противодействию им. Обе возможности не противоречили друг другу: палестинское общество конца 1990-х годов избавлялось от иллюзий скорого обретения автономией черт независимого и суверенного государства и все чаще задавалось вопросом, почему это государство превращается в мираж.

Во второй половине 1990-х годов жители обоих палестинских регионов стали высказывать все больший пессимизм в отношении перспектив мирного процесса в регионе. По данным Иерусалимского центра информации и коммуникаций, если в июне 1995 г. палестино-израильскую нормализацию поддерживали 74,9% опрошенных, то в августе 1998 г. — только 55,6% [Palestinian Support for the Peace Process 1999: 15]. В первую очередь эта тенденция затронула политически активные возрастные группы. Так, в группе респондентов 18–25 лет уровень поддержки нормализации палестино-израильских отношений снизился с 71,9% (июнь 1995 г.) до 63,6% (июль 1998 г.), а в группе 26–40 лет — с 74,5% до 62,8%

[Palestinian Support for the Peace Process 1999: 29]. Представители этих групп обвиняли Израиль в том, что он отказывается решать вопрос о Восточном Иерусалиме и расширяет сеть еврейских поселений на Западном берегу, а ПНА — в том, что она, не решаясь провозгласить независимое государство, молчаливо потворствует действиям израильтян.

Поддержка ФАТХ, правящей партии ПНА, также снижалась (с 46,6% в июне 1995 г. до 32,9% в мае 1998 г.), что соотносилось с тенденцией сокращения числа сторонников палестино-израильского мирного урегулирования. В равной мере это относилось и к Арафату. Если в ноябре 1996 г. его рейтинг составлял 67,8%, то уже в сентябре 1997 г. — только 36,2%. На этом фоне рост популярности шейха Ясина был очевиден: с 0,4% в феврале 1996 г. до 3,6% в мае 1998 г. Не менее очевидным было и повышение доверия к ХАМАС — с 12,4% в ноябре 1996 г. до 18% в мае 1998 г. [Palestinian Support for the Peace Process 1999: 41–44].

В апреле 1997 г. Иерусалимский центр информации и коммуникаций впервые поставил перед респондентами вопрос об отношении к возможности «возобновления вооруженных операций против израильских объектов». 39,8% опрошенных заявили, что эти операции стали бы «подходящим ответом» на возникавшую ситуацию, тогда как 47,7% сочли, что эти акции «нанесут ущерб национальным интересам». Большинство опрошенных (54,5%) были против осуществления этих операций одиночками-самоубийцами (32,7% поддерживали идею их проведения). 62,7% респондентов выступили в поддержку «эскалации выступлений протеста против Израиля», а 31,3% полагали, что «власть должна поддерживать эти выступления» [Натаидж аль-иститля ат-тасиа ашар 1997: 10–12].

Поддержка действий террористов-одиночек выросла с мая по август 1997 г. с 23,6% до 28,2% [Натаидж аль-иститля аль-ишрун 1997: 7; Натаидж аль-иститля ас-сани ва аль-ишрун 1997: 4]. Видимо, это было реакцией палестинского общества на непоследовательность развития мирного процесса, вина за которую возлагалась как на Израиль, так и на руководство ПНА. Подобные настроения открывали перед ХАМАС возможность противостоять давлению «национальной власти», — собственно, поэтому ХАМАС и приветствовал новую интифаду и благодарил Шарона.

* * *

Интифада мечети Аль-Акса показала неспособность «национальной власти» противостоять открытому проявлению насилия в среде муватьунун. Стремление сохранить доминирующие позиции в ПНА вынуждало ФАТХ участвовать в разворачивавшемся насилии. Антиизраильские акции в границах ПНА и на израильской территории осуществлялись, наряду с военизированным крылом ХАМАС, «Бригадами мучеников мечети Аль-Акса» — вооруженными формированиями ФАТХ. Интифада заставляла Арафата действовать в русле господствовавших в обществе настроений, требуя от него возвращения на путь «национальной борьбы». Его пребывание в блокированной израильской армией резиденции в Рамалле вновь вернуло ему утраченный к 2000 г. ореол *шахида* — *героя-жертвы*.

Итоги интифады мечети Аль-Акса были предсказуемы: Израиль денонсировал ранее достигнутые с ООП соглашения, предприняв вооруженные действия на палестинской территории. В марте 2004 г. усилиями израильских спецслужб был убит шейх Ясин, а в апреле того же года — его преемник Абдель Азиз Ар-Рантиси. Глав-

ным же итогом второй интифады стало то, что она не изменила политическую карту Западного берега и сектора Газа. Сохранившееся равенство сил заставило ФАТХ и ХАМАС прибегнуть к демократическим методам государственного строительства в тот момент, когда интифада мечети Аль-Акса клонилась к своему закату.

В январе 2005 г. (11 ноября 2004 г. скончался Арафат) в ПНА состоялись вторые президентские, а в январе 2006 г. — вторые парламентские выборы.

На пост главы ПНА претендовали премьер-министр М. Аббас, ставший после смерти Арафата председателем Исполкома ООП, и шестеро его соперников. Среди них двое «независимых» были сторонниками ХАМАС — уроженец Газы, специалист по международному праву адвокат Абдель Карим Шбайр и уроженец деревни близ Тулькарма, магистр (по специальности менеджер) университета штата Миссисипи Абдель Халим Хасан Аль-Ашкар [The Presidential Elections 2005: 51].

Программы Аббаса и двух его соперников от ХАМАС мало отличались друг от друга. Они были обращены ко всем слоям палестинского социума и содержали положения, которые имели принципиальное значение после вспышки насилия, приведшей к экономической стагнации и угрозе коллапса. Претенденты на пост главы ПНА обещали избирателям «хлеб, работу, медицинское обслуживание, экономическое развитие, строительство новых домов», а также «бескомпромиссную борьбу с коррупцией». Кандидаты от ХАМАС уже не требовали уничтожения Израиля и не говорили о Палестине как о мусульманском вакфе. Напротив, они призывали уважать международное право и, как и Аббас, выступали за создание «гражданского общества», независимого от государства и его институтов и действующе-

го на основе демократического законодательства [Аль-Барнамадж аль-интихабий ли аль-мурашших аль-ислямий аль-муस्ताкиль Абдель Халим Хасан Аль-Ашкар б.г.: 1; Аль-Барнамадж аль-интихабий ли аль-мурашших аль-ислямий аль-муस्ताкиль Абдель Карим Шбайр б.г.: 1].

Победа Аббаса на президентских выборах (62,3% голосов всех избирателей) была закономерной: он возглавлял палестинское правительство и опирался на поддержку международного сообщества и Израиля. Встав во главе ООП, Аббас заручился поддержкой всех входивших в эту организацию структур и действовал как наследник Арафата. По итогам голосования ни один из кандидатов от ХАМАС не приблизился не только к результату Аббаса, но и к результату его ближайшего светского соперника, генерального секретаря движения «Палестинская национальная инициатива» Мустафы Аль-Баргути (19,8% голосов избирателей).

Иную картину политических предпочтений палестинцев продемонстрировали выборы в Законодательный совет. Созданный ХАМАС и «независимыми» кандидатами избирательный блок «Перемены и реформа» одержал убедительную победу, получив 76 мест (против 45 у ФАТХ). ХАМАС победил не только в традиционных регионах своего влияния, — его депутаты представляли и некоторые округа Рамаллы, Восточного Иерусалима, а также избирателей-христиан района Вифлеема.

ФАТХ не получил большинства в Законодательном совете, однако это еще не означало триумфа ХАМАС, ведь ФАТХ продолжал господствовать в высшем эшелоне власти ПНА. Ее глава Аббас сохранил широкие полномочия в законодательной сфере, в области внешней политики и безопасности. Не располагая большинством в

две трети голосов (количество депутатов Законодательного совета было увеличено до 132), ХАМАС не мог повлиять на процедуру принятия законов. В свою очередь, фракция ФАТХ была вынуждена добиваться консенсуса с депутатами от ХАМАС, чтобы обеспечить возможность принятия лоббируемых ею законопроектов.

При выработке новой программы руководство ХАМАС должно было учитывать следующее. Во-первых, сформированное по его инициативе правительство могло быть только многопартийным (при ведущей роли победившей организации). Во-вторых, немало мировых и региональных игроков оказывали влияние на развитие событий на палестинской арене. В-третьих, военизированное крыло движения и по численности, и по вооружению было несопоставимо с формированиями, лояльными главе ПНА. Исходя из этого, председатель Политического бюро ХАМАС Х. Машаль обнародовал 28 января 2006 г. свою программу. Он выступил за создание «единой палестинской армии под руководством ее главнокомандующего президента Аббаса» и «коалиционного правительства с участием всех (вошедших в состав нового депутатского корпуса. — Г.К.) отрядов палестинского сопротивления». Из заявления Машаля следовало, что ХАМАС окажет «полную поддержку» курсу «президента», направленному на «реформу институтов национальной власти», и ни в коей мере не будет содействовать «навязыванию обществу религиозных норм и воззрений» [Машаль ятахаддас ан барнамадж ХАМАС ли аль-хукм 2006]. Машаль заявил и о том, что ХАМАС будет «реалистичен в отношении соглашений Осло». Однако при этом он настаивал на непризнании Израиля, — изменение его позиции в этом вопросе грозило организации самоуничтожением.

Машаль предлагал новую конструкцию палестинской власти, основанную на самостоятельных действиях составляющих ее партий и движений. Поначалу Аббас одобрил эту идею и в феврале 2006 г. поручил лидеру избирательного блока «Перемены и реформа» И. Ханйе сформировать новое палестинское правительство. Однако при этом он настоятельно рекомендовал ФАТХ отказаться от участия в нем. Аббас был явно несвободен в своих действиях. Его позиция едва ли не полностью совпадала с точкой зрения руководителей Израиля, США и Евросоюза, которые продолжали считать ХАМАС, искавшего союзников среди арабских и исламских радикалов, террористической организацией.

В марте 2007 г. палестинское «правительство национального единства» во главе с Ханйей было сформировано. Этому событию предшествовали кровавые столкновения боевиков ФАТХ и ХАМАС, охватившие в начале 2007 г. Газу и едва не распространившиеся на Западный берег. Появление коалиционного правительства стало возможным только после личного вмешательства саудовского монарха и проведенных в Мекке под эгидой короля Абдаллы переговоров представителей обеих палестинских организаций.

В новом кабинете 16 министров (выходцев с Западного берега) представляли ФАТХ, близкие к нему фракции Законодательного совета и «независимых», а 8 министров (уроженцев сектора Газа) — ХАМАС. Из политической программы, обнародованной 16 марта 2007 г., следовало, что палестинское правительство нуждается не только в сохранении перемирия с Израилем, но и в «расширении сферы его действия с тем, чтобы оно стало всеобъемлющим, взаимным и согласованным во времени». Кабинет Ханйи выразил стремление уважать нормы

международного права и подписанные ООП соглашения. Признавая сферой своей деятельности исключительно Западный берег и сектор Газа, правительство, тем не менее, заявило, что ни в коей мере не отказывается от Восточного Иерусалима и отвергает действия Израиля, направленные на изменение пространства Западного берега [Иттифак Макка барнамадж ли аль-хукума аль-фалястынийя аль-джадида 2007].

В июне 2007 г. «президент» Аббас распустил «правительство национального един-

ства». Поводом для этого решения послужили жесткая позиция Израиля и угроза введения Соединенными Штатами и ЕС санкций против ПНА в случае сохранения представителей ХАМАС в палестинских властных структурах. 15 июня ХАМАС осуществил вооруженный мятеж в секторе Газа, ставший логическим завершением интифады мечети Аль-Акса. Каждая из противоборствующих группировок обрела собственное поле политического действия: ФАТХ — Западный берег, ХАМАС — сектор Газа.

п р и м е ч а н и я

<p>Legrain J.-F. 1998. Autonomie palestinienne: la politique des néonotables // «Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée: Les partis politiques dans les pays arabes 1. Le Machrek», № 81–82. Édisud.</p> <p>Mishal S., Sela A. 1997. HAMAS: A Behavioral Profile. The Tami Steinmetz Center for Peace Research. Tel-Aviv.</p> <p>Palestinian Support for the Peace Process. 1999. Jerusalem Media & Communication Center. Jerusalem.</p> <p>Sheikh J.B. 1994. The Future of the Islamic Movement's Relation with the Transitional Authority // Challenges Facing Palestinian Society in the Interim Period. Jerusalem Media & Communication Center. Jerusalem.</p> <p>The Palestinian Council. 1998. Jerusalem Media & Communication Center. Jerusalem.</p>	<p>The Presidential Elections 2005. Guide Book. Central Elections Commission. 2005. Palestine, Ramallah.</p> <p>Аль-Баргути И. 1997. Аль-Фалястынийун ва Исраиль (Палестинцы и Израиль) // Дирасат тахлилийя ли ат-таваджухат ас-сиясийя ва аль-иджтимаъийя фи Фалястын (Аналитические исследования политических и общественных настроений в Палестине). Марказ аль-бухус ва ад-дирасат аль-фалястынийя (Центр палестинских исследований). Наблус.</p> <p>Аль-Барнамадж аль-интихабий ли аль-мурашших аль-ислямий аль-мустикалль Абдель Халим Хасан Аль-Ашкар (Предвыборная программа независимого исламского депутата Абдель Халима Хасана Аль-Ашкара) [б.г., б.м.].</p>	<p>Аль-Барнамадж аль-интихабий ли аль-мурашших аль-ислямий аль-мустикалль Абдель Карим Шбайр (Предвыборная программа независимого исламского депутата Абдель Карима Шбайра) [б.г., б.м.].</p> <p>Аль-Мисак аль-ватаний аль-фалястыний (Палестинская национальная хартия — редакция 1968 г.). 1999 // Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын (Демократический процесс в Палестине). Аль-Мультака аль-фикрий аль-арабий (Форум арабской мысли). Аль-Кудс (Иерусалим).</p> <p>Ан-Низам ад-дустурий (Конституционный документ). 1995 // Аль-Интихабат ва ан-низам ас-сиясий аль-фалястыний. Марказ аль-бухус ва ад-дирасат аль-фалястынийя. Наблус.</p>
---	---	---

Аш-Шаккаи Х. 1997. Аль-Интимаат ас-сиясий байн аль-фалястынийин (Политические предпочтения палестинцев) // Дирасат тахлилий ли ат-таваджухат ас-сиясий ва аль-иджтимаъий фи Фалястын. Марказ аль-бухус ва ад-дирасат аль-фалястыний. Наблус.

Иттифак Макка барнамадж ли аль-хукума аль-фалястыний аль-джадида (Мекканское соглашение — программа нового палестинского правительства). 2007 // «Аш-Шарк Аль-Аусат», 16.03 (<http://www.sharqalawsat.com/details.asp?section=1&issueno=10335&article=410870>).

Иъалян истикляль Дауля Фалястын (Декларация независимости Государства Палестина). 1999 // Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын (Демократический процесс в Палестине). Аль-Мультака аль-фикрий аль-арабий (Форум арабской мысли). Аль-Кудс (Иерусалим).

Иъалян мабади хауль тартибат хукума затий интикалий (Декларация о принципах создания переходного самоуправления). 1999 // Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын (Демократический процесс в Палестине). Аль-Мультака аль-фикрий аль-арабий (Форум арабской мысли). Аль-Кудс (Иерусалим).

Калима аш-шейх Джамаль Салем (Выступление шейха Джамала Салема). 1995 // Аль-Интихабат ва ан-низам ас-сиясий аль-фалястыний. Марказ аль-бухус ва ад-дирасат аль-фалястыний. Наблус.

Кассис М. 1997. Иляка аль-фард би аль-муджтамаа ва баад кадая аль-муджтамаа аль-маданий фи Фалястын (Взаимоотношения индивидуума и общества, а также некоторые проблемы гражданского общества в Палестине) // Дирасат тахлилий ли ат-таваджухат ас-сиясий ва аль-иджтимаъий фи Фалястын. Марказ аль-бухус ва ад-дирасат аль-фалястыний. Наблус.

Маджлис вузара Ас-Султа аль-ватаний аль-фалястыний (Совет министров Палестинской Национальной Администрации). 1999 // Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын. Аль-Мультака аль-фикрий аль-арабий. Аль-Кудс.

Машаль ятахаддас ан барнамадж ХАМАС ли аль-хукм (Машаль говорит о программе правительства ХАМАС). 2006 // «Аш-Шарк Аль-Аусат», 29.01 (<http://www.asharqalawsat.com/details.asp?section=1&issueno=9924&article=345506>).

Мисак Харака аль-мукавама аль-ислямий — ХАМАС (Хартия Движения исламского

сопротивления — ХАМАС). 2004: <http://www.islamonline.net/Arabic/doc/2004/03/article11.SHTML>

Натаидж аль-иститля ас-сабиа. 21 хузейран (Результаты седьмого опроса. 21 июня). 1995 // Натаидж иститляат ар-рай хауль ара аль-фалястынийин би аль-кадая ас-сиясий аль-ания. 1993–1998. (Результаты опросов палестинского общественного мнения по насущным политическим проблемам. 1993–1998). Марказ Аль-Кудс ли аль-иъалям ва аль-иттисаль (Иерусалимский центр информации и коммуникаций). Аль-Кудс (Иерусалим).

Натаидж аль-иститля ас-сани ашар. 16 канун ас-сани (Результаты двенадцатого опроса. 16 января). 1996 // Натаидж иститляат ар-рай хауль ара аль-фалястынийин би аль-кадая ас-сиясий аль-ания. 1993–1998. Марказ Аль-Кудс ли аль-иъалям ва аль-иттисаль. Аль-Кудс.

Натаидж аль-иститля ас-салис ашар. 8 шуббат (Результаты тринадцатого опроса. 8 февраля). 1996 // Натаидж иститляат ар-рай хауль ара аль-фалястынийин би аль-кадая ас-сиясий аль-ания. 1993–1998. Марказ Аль-Кудс ли аль-иъалям ва аль-иттисаль. Аль-Кудс.

Натаидж аль-иститля ас-сабиа ашар. Тишрин аль-авваль (Результаты семнадцатого опроса. Октябрь). 1996 // Натаидж иститляат ар-рай хауль ара аль-фалястынийин би аль-кадая ас-сиясий аль-ания. 1993–1998. Марказ Аль-Кудс ли аль-иъалям ва аль-иттисаль. Аль-Кудс.

Натаидж аль-иститля ат-тасиа ашар. Нисан (Результаты девятнадцатого опроса. Апрель). 1997 // Натаидж иститляат ар-рай хауль ара аль-фалястынийин би аль-кадая ас-сиясий аль-ания. 1993–1998. Марказ Аль-Кудс ли аль-иъалям ва аль-иттисаль. Аль-Кудс.

Натаидж аль-иститля аль-ишрун. Айяр (Результаты двадцатого опроса. Май). 1997 // Натаидж иститляат ар-рай хауль ара аль-фалястынийин би аль-кадая ас-сиясий аль-ания. 1993–1998. Марказ

Аль-Кудс ли аль-иъалям ва аль-иттисаль. Аль-Кудс.

Натаидж аль-иститля ас-сани ва аль-ишрун. Аб (Результаты двадцать второго опроса. Август). 1997 // Натаидж иститляат ар-рай хауль ара аль-фалястынийин би аль-кадая ас-сиясий аль-ания. 1993–1998. Марказ Аль-Кудс ли аль-иъалям ва аль-иттисаль. Аль-Кудс.

Хамами Р. 1997. Турас аль-интифада фи ас-сияс аль-фалястынийя аль-муасыра (Наследие интифады в современной палестинской политике) // Дирасат тахлилий ли ат-таваджухат ас-сиясий ва аль-иджтимаъийя фи Фалястын. Марказ аль-бухус ва ад-дирасат аль-фалястынийя. Наблус.

ХАМАС ва Аль-Джихад аль-ислямий ан аль-интифада аль-джадида (ХАМАС и Исламский джихад о новой интифаде).

2000 // «Аль-Мустакбаль» (Бейрут), 07.10.

Хияль Дж. 1997. Кыраа фи масх ли таваджухат аль-джумхур аль-фалястыний фи Ад-Дыффа аль-гарбийя ва кутта Газа тиджах низам аль-хукм (Анализ опросов палестинского населения Западного берега и сектора Газа в связи с системой власти) // Дирасат тахлилий ли ат-таваджухат ас-сиясий ва аль-иджтимаъийя фи Фалястын. Марказ аль-бухус ва ад-дирасат аль-фалястынийя. Наблус.

Шейх Хамами Дж. 1995. Ан-Низам ас-сиясий аль-фалястыний ва аль-интихабат: кыраа ислямийя (Палестинская политическая система и выборы: исламское прочтение) // Аль-Интихабат ва ан-низам ас-сиясий аль-фалястыний (Выборы и палестинская политическая система). Марказ аль-бухус ва ад-дирасат аль-фалястынийя. Наблус.